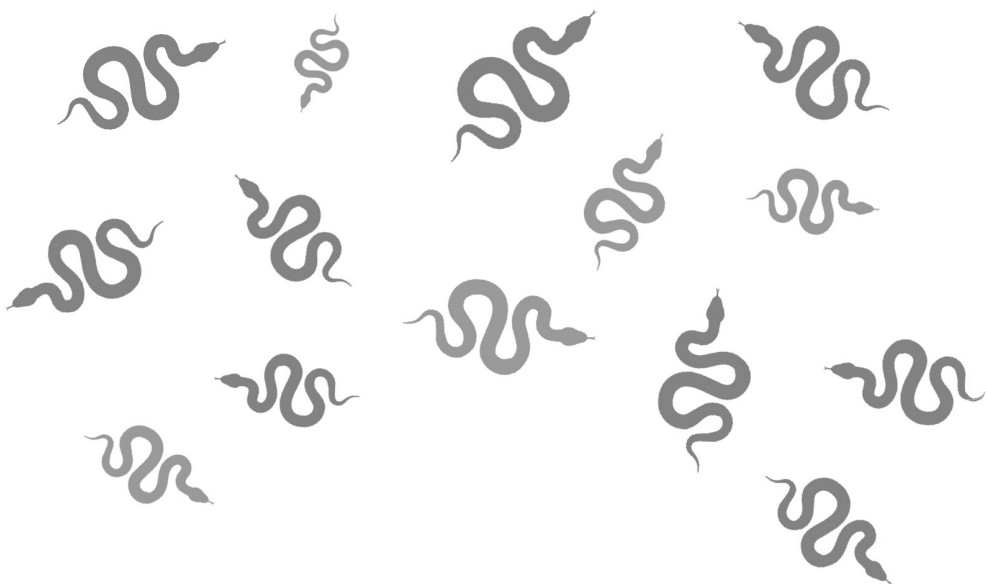

**НЕ БЫВАЕТ
СЛИШКОМ СТРАННЫХ ДЕЛ...**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Книга 1. Секретный ключ

Книга 2. Тайна привратников

Книга 3. Загадка Серебряного
Змея

Продолжение следует...

The cover features several stylized, grey snake icons scattered across the page. These icons are simple line drawings of snakes in various poses, some coiled and some moving. They are placed around the central text to create a thematic atmosphere.

ЛИНА ДЖОНС

ЗАГАДКА СЕРЕБРЯНОГО ЗМЕЯ

#эксмодетство

Москва

2024

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д42

Lena Jones

Originally published in the English language by HarperCollins
Publishers Ltd. Under the title
Agatha Oddly. The Silver Serpent
Text copyright © Lena Jones 2019
Cover illustration copyright © Alba Filella 2019
Cover design copyright © HarperCollinsPublishers Ltd 2019
The author asserts the moral right to be identified as the author
of this work.

Джонс, Лина.
Д42 Загадка Серебряного Змея / Лина Джонс ; [перевод
с английского М. М. Виноградовой]. — Москва : Эксмо,
2024. — 320 с. — (Детективное агентство Агаты).

ISBN 978-5-04-200715-6

С тех пор как Агату приняли в Гильдию Привратников, секретную организацию, распутывающую самые сложные преступления Лондона, девочка мечтала о настоящем деле. И наконец ей выпал шанс доказать всем, что она отличный детектив. В Национальной галерее произошло весьма странное событие: пропал один из кураторов. Есть все основания полагать, что его похитили. Но зачем кому-то нападать на сотрудника музея? И при чём тут известнейшие картины мира? Агата и не догадывается, какие ошеломительные открытия её ждут!

Третья книга в серии.

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-200715-6

© Виноградова М.М., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается ученикам начальной школы
Корпус Кристи, Брикстон, Южный Лондон.
Самым преданным фанатам Агаты
на всём земном шаре.*

1

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

— Ты глазеешь на эту картину уже битых десять минут.

Лиам внезапно вырос рядом со мной и, наклонив голову набок, тоже уставился на «Подсолнухи» Винсента Ван Гога. В этот ноябрьский вторник мы отправились с классом на экскурсию в Национальную галерею.

— Можно подумать, тут спрятано какое-то ещё изображение, — продолжал он. — Ну, знаешь, из тех, которые увидишь, только если долго всматриваться.

— Просто это моя любимая картина, — улыбнулась я.

— Оно и видно!

— Мама тоже её любила. Приводила меня посмотреть на неё всякий раз, как мы проходили мимо.

— И сколько же раз вы посещали это место лишь для того, чтобы узреть его красу? — Последние три слова Лиам произнёс подчёркнуто театрально, ши-

роким жестом обводя зал, словно декламировал какое-то вконец затрёпанное стихотворение.

Я засмеялась:

— Да порядочно. — И после паузы добавила: — Впрочем, сегодня картина выглядит чуть-чуть другой.

— Ты о чём?

Я показала на вазу, на которой синим было выведено имя Винсент:

— Смотри, этот кусочек такого же цвета, как всегда, но цветы... — Я показала на жёлтые лепестки: — Они бледнее и яснее, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Без оранжеватого-коричневого оттенка? — предположил Лиам.

— Именно!

Я улыбнулась ему. Никто не понимает меня так, как Лиам.

Он пожал плечами:

— Может, их почистили.

— Очень может быть... хотя я-то думала, может, это скорее из-за того, где «Подсолнухи» сейчас висят. Ну то есть их перенесли с обычного места сюда, чтобы включить в состав выставки Ван Гога, так что, может, тут просто немного отличается освещение.

С другой стороны от меня появилась моя подруга Брианна. Вместо любимого синего оттенка волосы у неё снова стали тёмно-русыми — доктор Харгрейв,

наш директор, строго-настрого запретил ей краситься в «неестественные цвета». Однако сейчас волосы оставались у неё только на самой макушке, а вся остальная голова была выбрита. У Брианны тонкие черты лица, и контраст получился почти шокирующим. Как ни странно, ей очень шло.

— Домой ещё не пора? — спросила она, разглядывая ногти — чёрные, с бледно-зелёными черепами.

— Не думаю, — ответил Лиам. — Мы пока посмотрели только один зал.

Мой рюкзак валялся на полу рядом. Брианна присела на корточки и принялась рыться в переднем кармане.

— Эй, ты что это? — спросила я.

— Ищу ультрафиолетовый фонарик. Ты его захватила?

— Должен быть где-то там. А зачем тебе?

— У меня ногти должны светиться.

Я выудила из внутреннего отделения рюкзака маленький фонарик, размером примерно с ручку.

— Вот, держи.

— Спасибо.

Брианна посветила себе на ногти, и мы все любовались тем, как мерцали черепа.

— Э-э-э... Минутку внимания, пожалуйста...

Мы обернулись к миссис Шелли, нашей учительнице искусствоведения, пытающейся привлечь к себе внимание класса. Миссис Шелли всегда носит серое

с коричневым самых унылых оттенков, даже волосы у неё какого-то неопределённого буровато-сероватого цвета. И вся она словно бы размытая — акварель, а не живой человек. Я поймала себя на пустых мыслях: а что бы подумал о ней Эркюль Пуаро Агаты Кристи, доведись ему с ней встретиться? Я представила, как мой любимый детектив умудрённо покачивает головой и произносит с бельгийским акцентом: «*Non*¹, не бывает на свете безмятежных морей». Может, он прав — может, даже в миссис Шелли таятся скрытые глубины.

— Э-э-э... класс... — повторила она шелестящим полусшёпотом, — пожалуйста, пройдем дальше.

Я обвела взглядом одноклассников. Они, похоже, уже довольно давно закончили рассматривать картины, потому что сейчас все толпились вокруг скамеек и окон, болтая и жуя жевательную резинку. Кто заплетал друг другу волосы, кто сидел прямо на полу, делясь всяким интересным на телефонах и хохоча во всё горло. Никто даже и не думал слушать миссис Шелли.

Брианна снова отвлеклась и, направив луч фонарика на стенку, принялась водить им с картины на картину, по очереди, пока не завернула за угол и не дошла до «Подсолнухов». До сих пор сам луч оставался невидимым, но тут вдруг выхватил что-то,

¹ Нет (фр.). (Здесь и далее прим. ред.)

чему там быть совершенно не полагалось. Я придвинулась ближе:

— Смотри!

Прямо под подписью Ван Гога виднелся ещё какой-то значок.

Лиам нахмурился:

— Похоже на букву «В».

— Это и есть «В», — согласилась я. — Но что она здесь делает?

Я сфотографировала этот кусочек при включённом ультрафиолетовом луче. Буковка была выведена витиевато.

В

— Может, это значок галереи... для борьбы с воровством? — предположил Лиам.

— Ты что, правда считаешь, они стали бы что-то писать на бесценном полотне?

Брианна пожала плечами:

— А что, чернила-то невидимые.

Внезапно рядом кто-то очень громко и резко хлопнул в ладоши. Мы все сразу притихли и повернули головы на звук. В центре зала стоял высокий стройный мужчина в дорогом тёмно-синем костюме. Тёмные волосы с проседью, карие глаза. Это был лорд Рэтбоун, отец Сары, моей главной школьной врагини. Сама она стояла рядом — с самодовольной

улыбочкой, лишь усугубляющей её привычное высокомерное выражение.

Обычно я люблю ходить в Национальную галерею — и уже несколько месяцев предвкушала выставку Ван Гога. Однако сейчас, когда выяснилось, что папа Сары — один из покровителей музея, а экскурсия организована исключительно благодаря ему, вся моя радость немедленно куда-то делась: точно воду из тряпки выжали.

Лорд Рэтбоун улыбнулся нам и неожиданно подмигнул. Мне представилось, как он ловит с этой мрачной ухмылкой какую-то мелкую добычу. Со всем как хищная насекомоядная росянка.

— Будьте любезны, проявите уважение к вашей учительнице и выслушайте её мудрые слова. В конце концов, все мы собрались тут, чтобы учиться.

В голосе его сквозили маслянистые нотки — так говорит человек, привыкший, что всё и всегда идёт как он хочет.

Брианна наклонилась к моему уху.

— Фу, он ещё больший воображала, чем его дочурка, — прошептала она.

Я кивнула:

— Теперь мы хотя бы знаем, в кого она такая.

— У меня от него мурашки по коже.

— У меня тоже.

Учительница откашлялась и что-то пролепетала.

— Что-что, миссис Шелли? — переспросил кто-то из мальчишек.

— Ни слова не слышу, — подхватил второй. — А вы?

Лиам придвинулся ко мне.

— Она сказала, пора переходить в следующий зал.

— Откуда ты знаешь?

— Учусь читать по губам. Подумал, может пригодиться.

Лорд Рэтбоун ещё раз хлопнул в ладоши и прокричал:

— Ти-ши-на!

Лицо его приобрело впечатляющий тёмно-багровый оттенок, к которому мне захотелось присмотреться повнимательнее. Думаю, по шестнадцатеричному коду, используемому для определения цветов в компьютерах, это был оттенок номер 9A0000 — но так, с ходу, не приближаясь к Рэтбоуну ближе, чем позволяет вежливость, сказать было трудно.

— Я не потерплю такой наглости! — воскликнул он. — А ну внимательно слушайте учительницу!

Все умолкли, и он кивнул миссис Шелли.

Та покраснела.

— Э-э-э... ну да, благодарю вас, лорд Рэтбоун. А теперь все, пожалуйста, слушайте внимательно. Мы перейдём в следующий зал, и я бы хотела, чтобы вы нашли там картину, которую мы изучали в классе, «Спальня в Арле» — это, разумеется, одно из

любимых полотен самого Ван Гога. Помните, что мы обсуждали — уплощённая перспектива и отсутствие теней. Попробуйте сравнить этот стиль с японскими гравюрами, которые мы видели и которыми художник вдохновлялся. Решите, удалось ли ему, по-вашему, воспроизвести их стилистику. И не забывайте делать записи для обсуждения в классе на следующем занятии.

Мы все покорно поплелись к следующей части выставки. Брианна, Лиам и я шли вместе. Брианна спросила:

— Что там она сказала? Что-то про японские гробницы?

Лиам засмеялся:

— Ты что, не помнишь гравюры, которые мы рассматривали, чтобы понять, как Ван Гог пытался добиться в своих работах сходного эффекта?

Она покачала головой:

— Я на рисовании совсем не слушаю. Ну то есть мне нравится разглядывать картинки и всё такое, но миссис Шелли такая нудная, что я всегда отключаюсь.

— Ты знаешь, что она на самом деле леди? — спросила я.

— Ну, за мужчину я её не принимала.

— Агата имела в виду «её светлость», — пояснил Лиам.

— Серьёзно?! Она же и вполонину не такая высокомерная, как Рэтбоуны.

Лиам засмеялся:

— На свете не найдётся человека, хотя бы вполонину такого же высокомерного, как Рэтбоуны.

— Тсс, — предостерегла я их.

Сара и её папочка шагали мимо нас, точно часовые в карауле.

Подобраться поближе к «Спальне в Арле» нам не удалось, и мы, остановившись в задних рядах, продолжили болтать. Но через шесть-семь минут мне наскучило любоваться чужими затылками.

— Пойду ещё раз взгляну на «Подсолнухи», — сказала я друзьям. — Никак не пойму, что там делает эта буква «В». Прикроете меня?

— И как, по-твоему, мы это сделаем? — поинтересовалась Брианна.

— Скажете, я пошла в туалет, — предложила я и, удостоверившись, что Рэтбоуны снова беседуют с учительницей, скользнула обратно в опустевший зал. Ну, не совсем опустевший: перед «Подсолнухами» стоял какой-то совсем молодой парень, почти мальчик. При моём приближении он обернулся.

— Люблю эту картину, — сказал он так запросто, точно мы были старыми друзьями.

— М-м-м, я тоже.

— Всегда иду к «Подсолнухам», как оказываюсь в галерее.